

Кривошей Семён

Родился в 1928 году в местечке Джури́н Винницкой области. С началом войны в местечке остались одни старики, женщины и маленькие дети. Всё мужское население было мобилизовано в армию. Почти 200 еврейских семей оказалось на оккупированной территории. На третий день оккупации был убит мой дед Берман Лейб. Немцы, венгры, румыны и местные полицейские грабили, насиловали женщин.

Через две недели умерла моя бабушка. Начали свирепствовать карательные отряды, задачей которых было уничтожение евреев.

Некоторым удавалось бежать с места расстрела. Раввин Герш Гуральник и Рувин Молдован с помощью денег и золота, собранных у населения, спасали людей от расстрелов. Мой соученик, Лёня Сорокопуд, потребовал у меня коньки, угрожая смертью. Пришлось отдать. Потом он мне их вернул.

Организованная украинская примария (сельсовет) заставляла евреев носить Маген Давид впереди и на спине, запретила выходить за пределы гетто, организованного в границах еврейского проживания. Вокруг появилась колючая проволока. Мы были обречены на голодную смерть. Но в центре гетто сохранился базар. Благодаря кустарному производству у узников гетто появилась возможность выжить. Так, объединившись, евреи спасали друг друга.

Осенью 1941 года прибыли евреи из Бессарбии и Северной Буковины, и население местечка увеличилось в 5-6 раз. А как обеспечить людей едой, квартирами и создать более или менее сносные санитарные условия? Были дополнительно созданы румынская жандармерия и еврейский комитет с полицией. Репрессии усилились. Местные евреи делились всем, чем могли, с пригнанными евреями.

Скученность, грязь, вши вызывали инфекционные заболевания. Ежедневно умирало по 20-25 человек. Хоронили их в общих ямах. К нам присоединились узники лагерей смерти из Печоры, Дзыговки, которым удалось избежать гибели.

С прибытием людей оживилась торговля на базаре. Я продавал сигареты, был пойман жандармами и избит нагайкой так, что и сегодня врачи не в состоянии вылечить ухо. В другой раз, спасаясь, я прыгнул в туалет и попал на оставленную кем-то лестницу. Так и спасся.

Никогда не забуду нашу соседку-украинку, у которой мы спасались в дни облав. К концу пребывания в гетто я заболел тифом. Благодаря семье Бондарчук меня выкрали из тифозного отделения. Утром немцы взорвали это отделение, чтобы эпидемия не распространялась на отступающие немецкие части. Мне после тифа очень хотелось есть. Тётя Аня ежечасно приносила мне еду в ущерб своей семье. Можно ли забыть таких людей?! Большой вклад в моё выздоровление внёс мой друг Александр Черней. Он всё время приходил в гетто и помогал, чем только мог. Активную роль в спасении узников гетто сыграли украинские партизаны. Среди них был еврей Илья Кобылянский.

Весной 1944 года нас освободила Красная Армия.